

Вопрос о заключении многостороннего пакта о ненападении на Ближнем и Среднем Востоке в 1932—1933 гг.

В данной статье освещается вопрос о заключении регионального пакта о ненападении между рядом стран Ближнего и Среднего Востока со времени ирано-турецких переговоров в ноябре 1932 г. до подписания Лондонской конвенции об определении агрессии и англо-иракских переговоров в июле 1933 г. Следует заметить, что применительно к этому периоду данный вопрос в советской и зарубежной историографии ранее специально не освещался. Только в статье П. К. Тарасова указывалось, что «именно с этого времени (т. е. с ноября 1932 г.— В. К.) и начинаются ирано-турецкие переговоры о создании Средневосточного пакта»¹. Однако это не было подтверждено конкретными фактами и являлось, по-видимому, предположением. Имеющиеся в распоряжении автора статьи, ранее неизвестные документы фондов Государственного архива Великобритании в сочетании с источниками, опубликованными в СССР, позволяют предпринять попытку полнее осветить этот вопрос.

Осенью 1932 г. состоялся визит в Турцию министра иностранных дел Ирана Форуги, который он нанес в ответ на приезд своего турецкого коллеги Тевфика Рюштю в Тегеран в январе 1932 г. Во время пребывания Форуги в Анкаре 5 ноября 1932 г. был подписан ирано-турецкий договор о дружбе, нейтралитете и политическом и экономическом сотрудничестве, включавший положения договора 1926 и протокола 1928 г. Спустя некоторое время состоялся обмен ратификациями соглашения о демаркации ирано-турецкой границы, конвенции об арбитраже и других соглашений, подписанных в январе 1932 г. Заключение этих соглашений способствовало урегулированию основных спорных вопросов и устранило препятствия на пути дальнейшего развития дружественных отношений между Ираном и Турцией². Как отмечается в «Дипломатическом словаре», «все это облегчило заключение Саадабадского пакта 1937 г.» между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном³.

¹ Тарасов П. К. Саадабадский пакт.— В сб.: Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1968, с. 50.

² Агаев С. Л. Иран: Внешняя политика и проблемы независимости (1925—1941 гг.). М., 1971, с. 220—221. С. Л. Агаев отмечает также, что ирано-турецкие соглашения 1932 г. имели для обеих сторон и антикурдскую направленность.

³ Дипломатический словарь. М., 1971, т. 1, с. 595.

В ходе ирано-турецких переговоров в Анкаре при обсуждении обстановки на Ближнем и Среднем Востоке был поднят вопрос о возможности заключения в этом регионе многостороннего пакта о ненападении. Доказательством этого является следующий факт. В ноябре 1932 г., вскоре после завершения консультаций с Форуги, турецкий министр иностранных дел Тевфик Рюштю в беседе с английским послом в Анкаре Дж. Клерком выдвинул предложение заключить пакт о ненападении, участниками которого, «во всяком случае в первой инстанции», были бы только Турция, Иран, Ирак и Великобритания. При этом Тевфик Рюштю имел в виду, что «это многостороннее соглашение эвентуально должно быть дополнено соглашениями между Персией (официальное название Ирана в дипломатической переписке до 21 марта 1935 г.— В. К.) и Россией и между Персией и Афганистаном». В английском МИД считали, что это предложение являлось результатом переговоров Тевфика Рюштю с Форуги⁴. Почти одновременно с турецким предложением, сделанным Дж. Клерку, правительство Ирана предложило иракскому правительству заключить двусторонний пакт о нейтралитете⁵.

Правительства Турции и Ирана, несомненно, учитывали изменения, происшедшие к этому времени в международной обстановке на Ближнем Востоке в связи с отменой английского мандата на Ирак, формальным провозглашением его независимости, приемом Ирака 3 октября 1932 г. в Лигу наций и вступлением в силу англо-иракского договора «о дружбе и союзе» от 30 июня 1930 г., содержание которого свидетельствовало о том, что «независимый» Ирак оставался под полным контролем британского империализма⁶.

В связи с принятием Ирака в члены Лиги наций лондонская газета «Дейли геральд» откровенно признавала, что для Англии «Ирак все еще является фокусом надземных и воздушных путей на Восток. Он,— писала газета,— все еще является важным стратегическим пунктом. Военные все еще полны решимости сохранить Ирак как базу и центр путей и связей в будущей войне... Из Ирака им удастся охранять путь на Индию. Из Ирака они могли бы нанести тяжелый удар иначе недоступной России. Надо понять, что в военном смысле мы останемся в Ираке. Мандат кончился, но вместо него имеется договор. Ирак

---

⁴ PRO, FO 371/17830, p. 2.

⁵ Ibid., p. 4.

⁶ См.: Данциг Б. М. Ирак в прошлом и настоящем. М., 1960, с. 30—32; Новейшая история арабских стран (1917—1966). М., 1968, с. 165—166; Федченко А. Ф. Ирак в борьбе за независимость (1917—1969). М., 1970, с. 37—41; и др.

входит в Лигу наций, но Великобритания из Ирака не уходит»⁷.

Руководитель ближневосточного отдела Форин оффиса Дж. Рендел писал по этому же поводу следующее: «Хотя этот (англо-иракский.— В. К.) союз представляется в целом как действующий главным образом в пользу Ирака и предназначенный защищать независимость Ирака от возможной агрессии со стороны Турции, Персии или (Саудовской.— В. К.) Аравии, почти не вызывает сомнений, что главным мотивом правительства его величества (т. е. Англии.— В. К.) при заключении союза было стремление иметь возможность использовать Ирак как базу или коридор во время войны, и мое личное впечатление таково, что сами иракцы рассматривают его как союз гораздо более ценный для нас, чем для них»⁸.

При подготовке ближневосточного пакта правительства Турции и Ирана принимали во внимание также общее развитие международной обстановки. Мировой экономический кризис 1929—1933 гг. привел к резкому обострению всех противоречий капиталистической системы. Усилилась борьба империалистических монополий за рынки сбыта и источники сырья, за сферы приложения капитала, обострились противоречия между империалистическими державами и колониальными и зависимыми странами, обнажились противоречия, заложенные в Версальской системе, возросла агрессивность империализма, выявилось его стремление найти выход из создавшегося положения в подготовке новой мировой войны, долгое время проводившейся под прикрытием пацифистской дипломатии. В обстановке все более обострявшихся империалистических противоречий в 1932 г. в Женеве открылась международная конференция по сокращению и ограничению вооружений, превратившая в результате закулисных маневров империалистических держав вопрос о разоружении в вопрос о довооружении агрессивных стран, прежде всего Германии⁹.

Вместе с тем выдвинутые в ноябре 1932 г. на конференции по разоружению предложения французской и английской делегации (план Эррио от 4—11 ноября и декларация Саймона от 17 ноября¹⁰), которые преимущественно относились только к Европе и поэтому не имели универсального характера, вызвали возражения со стороны ближневосточных стран, участвовавших в работе конференции. В частности, турецкий посол в Москве Рагиб, выполняя поручение Тевфика Рюшту, в беседе с наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым 25 ноября 1932 г. сообщил относительно плана Эррио следую-

---

⁷ Цит. по: Бронштейн В. Б., Розенблюм В. Г. Нефтяная эпопея. М.; Л., 1935, с. 443.

⁸ PRO, FO 371/16855, p. 243.

⁹ См.: ДВП СССР, т. 15, примеч. 321, с. 812—813.

¹⁰ Там же, примеч. 284, с. 800—801; примеч. 307, с. 806—807.

щее: «Поскольку речь идет о региональном соглашении, типа локарного, с установлением даже взаимной военной помощи, что приближало бы это соглашение к военному союзу, Турция не может с этим планом согласиться». В своем ответе послу М. М. Литвинов отметил «аналогичность позиций Турции и СССР, являющихся странами не только европейскими, но и азиатскими, имеющими соседей, которые не смогут войти в общеевропейскую организацию, предлагаемую Эррио»¹¹.

В декларации Саймона, наряду с предложением об отказе всех европейских государств от применения силы при возникновении споров, содержался тезис, направленный против полного упразднения бомбардировочной авиации в связи с нуждой в использовании ее «для полицейских целей в необходимых областях»¹². Ни для кого не было, однако, секретом, что в эти «области» английские правящие круги включали и Ближний и Средний Восток¹³. Поэтому представители Турции, Ирана и Афганистана на конференции по разоружению, как и советская делегация, настаивали на универсальном применении декларации¹⁴.

Афганский посланник в Италии Абдул Хусейн Азиз, представлявший Афганистан на конференции по разоружению, в беседе с полпредом СССР в Италии В. П. Потемкиным 14 ноября 1932 г. сказал, что он «был и остается солидарным с делегацией СССР и считает, что тов. Литвинов дал проблеме разоружения единственно правильную и твердую постановку». Излагая свое собственное понимание проблемы разоружения, посланник «несколько раз упоминал о том, что Афганистан, правительство которого готово в любой момент отказаться от всяких вооружений, не может осуществить этого, пока рядом с ним находятся вооруженные силы Великобританской империи, готовые по первому сигналу двинуться на захват чужих территорий»¹⁵.

Таким образом, выдвижение империалистическими державами на конференции по разоружению предложений, касавшихся только Европы, могло явиться для ближневосточных стран одним из поводов и послужить в качестве оправдательного элемента для постановки в ноябре 1932 г. вопроса о заключении на Ближнем и Среднем Востоке многостороннего пакта о ненападении. Не случайно министр иностранных дел Турции Т. Рюшту в беседе с полпредом СССР в Турции Я. З. Сурицем

¹¹ Там же, № 450, с. 632. Советская оценка плана Эррио была дана в речи М. М. Литвинова 6 февраля 1933 г. См.: Известия, 1933, 8 февр.

¹² ДВП СССР, т. 15, примеч. 307, с. 807.

¹³ См.: Klieiman A. S. Foundations of British Policy in the Arab World: The Cairo Conference of 1921. Baltimore, 1970.

¹⁴ Известия, 1933, 18 февр.; 28 марта; ДВП СССР, т. 16, № 67, с. 151; примеч. 75, с. 822; FRUS, 1933, v. 1, p. 21; Survey of International Affairs, 1933. L., 1934, p. 243—244, 282.

¹⁵ ДВП СССР, т. 15, № 436, с. 609—610.

30 ноября 1932 г., поздравив его с подписанным накануне советско-французским пактом о ненападении, перешел к обсуждению плана Эррио, при этом сказал, что для Турции «примемлемы лишь положения, касающиеся расширения действия пакта Келлога»¹⁶.

Что касается Ирана, то его правительство 27 ноября 1932 г. аннулировало концессию на добычу нефти, предоставленную Англо-персидской нефтяной компании (АПНК) еще в 1901 г. Эта акция иранского правительства привела к резкому ухудшению англо-иранских отношений. С целью давления на Иран английское правительство направило в Персидский залив несколько военных кораблей. Напряженность в англо-иранских отношениях сохранялась вплоть до подписания 29 апреля 1933 г. нового концессионного соглашения¹⁷. Вполне возможно, что правительство Ирана, выдвинув накануне своей акции в отношении АПНК предложение заключить пакт о нейтралитете с Ираком и совместное с Турцией предложение о многостороннем пакте о ненападении, рассчитывало придать этим предложениям предупредительный характер (в случае негативной реакции английского правительства на аннулирование концессии), связав Англию и ее сателлита Ирак членством в общем с Ираном пакте.

Предложение о заключении многостороннего пакта о ненападении на Ближнем и Среднем Востоке, сделанное Тевфиком Рюштю английскому послу в Анкаре в ноябре 1932 г., было тщательно изучено и проанализировано в ближневосточном отделе британского министерства иностранных дел. Прежде всего было отмечено, что турецкое предложение о пакте в той формулировке, в какой оно было сделано, выглядит «неопределенным и незавершенным»¹⁸. С одной стороны, в Форин оффисе считали, что, если предлагаемый пакт между Турцией, Ираном, Ираком и Великобританией будет также включать и Афганистан и не будет пактом, содержащим определение агрессии, и не возложит на его участников никаких других обязательств, кроме обязательства воздерживаться от нападения друг на друга, его заключение могло бы иметь некоторые определенные преимущества, в частности в том, что касалось отношений Великобритании с Турцией, Ираком (особенно с точки зрения английских обязательств по союзному договору 1930 г.), арабскими эмиратами в районе Персидского залива и Афганистаном¹⁹. Было особо отмечено, что участие Англии в пакте

---

¹⁶ Там же, № 462, с. 651. Среди участников пакта Бриана — Келлога были Турция, Иран и Афганистан.

¹⁷ См. подробнее: ДВП СССР, т. 15, примеч. 328, с. 815; № 485, с. 687—688; Агаев С. Л. Иран: Внешняя политика..., с. 174—190; Иран: Очерки новейшей истории. М., 1976, с. 102—105; и др.

¹⁸ PRO, FO 371/17830, p. 2.

¹⁹ Ibid., p. 3.

«могло бы сделать эти страны менее склонными обращаться к России, тогда как участие Советов без участия Великобритании имело бы, конечно, противоположный эффект»²⁰.

С другой стороны, Форин оффис нашел аргументы и против присоединения Англии к предложенному пакту, в конечном счете перевесившие в пользу присоединения. Во-первых, было выдвинуто возражение против того, чтобы английское правительство участвовало в региональном соглашении, которое «по своим практическим целям было бы бессмысленным, так как ничего не добавляло к Уставу Лиги наций и пакту Келлога». Было даже выражено опасение, что такое соглашение «могло бы создать эффект ослабления или, по крайней мере, преуменьшения их значения». Во-вторых, Форин оффис возражал против подписания «любого нового соглашения, в котором Россия была бы участником». В-третьих, обращалось внимание на то, что в это время «имелись острые разногласия» между Великобританией и Ираном в связи с аннулированием концессии АПНК и вопросом о суверенитете острова Хенджам²¹. Было признано, что при этих обстоятельствах «не может быть и речи» о присоединении Англии к пакту, в котором «Персия была бы одним из участников»²².

В итоге обсуждения турецкое предложение о ближневосточном пакте было оставлено без ответа. Было решено, что если в дальнейшем делегат Турции в Женеве снова поднимет этот вопрос перед английским представителем, то последний «должен быть при этом очень учтивым и проявить свою заинтересованность, но сохранять в уме оговорку, что из этого ничего не получится»²³. Таким образом, в министерстве иностранных дел Великобритании было принято решение временно воздержаться от более четкого определения английской позиции по вопросу о многостороннем пакте о ненападении на Ближнем и Среднем Востоке. В свою очередь иракское правительство, несомненно по совету из Лондона, отклонило предложение Ирана заключить с ним пакт о нейтралитете как «несовместимое с обязательствами Ирака по англо-иракскому договору о союзе»²⁴.

К сожалению, имеющиеся в распоряжении автора источники не позволяют дать точный ответ на вопрос, было ли в это время проинформировано Советское правительство о турецко-иранском предложении заключить региональный пакт о ненападении, в котором его инициаторы предполагали и участие

---

²⁰ Ibidem.

²¹ Хенджам — один из островов в Персидском заливе, в течение десятилетий фактически был оккупирован Англией. См.: Агаев С. Л., Иран: Внешняя политика..., с. 204, 260; Иран: Очерки..., с. 116.

²² PRO, FO 371/17830, p. 3—4.

²³ Ibid., p. 4.

²⁴ Ibidem.

СССР, хотя известно, что у Турции и Советского Союза имелось тогда формальное обязательство об обмене международной информацией, представлявшей взаимный интерес²⁵. Тем не менее отношение СССР к пактам о ненападении было достаточно подробно охарактеризовано в интервью М. М. Литвинова, данном корреспонденту французской газеты «Пти паризьен» 30 ноября 1932 г. в связи с подписанием советско-французского пакта о ненападении. М. М. Литвинов, в частности, сказал: «Заключение пакта о ненападении с Францией после заключения аналогичных пактов с... нашими соседями дает нам особенное удовлетворение еще и потому, что мы в этом видим осуществление идеи двусторонних пактов о ненападении, выдвинутой Советским правительством много лет тому назад, еще задолго до предложения Келлога»²⁶.

Таким образом, Советский Союз выступал в поддержку двусторонних пактов о ненападении между всеми государствами. В дальнейшем Советское правительство неоднократно подтверждало приверженность идее заключения двусторонних и общих пактов о ненападении²⁷. Однако после установления в Германии фашистской диктатуры, приведшего к образованию в Европе главного очага мировой войны, Советское правительство стало считать пакты о ненападении недостаточной гарантией обеспечения всеобщего мира²⁸. Поэтому не случайно, что уже через несколько дней после прихода к власти в Германии гитлеровской партии с ее откровенно агрессивной внешнеполитической программой Советский Союз 6 февраля 1933 г. предложил проект конвенции об определении агрессии²⁹. Это предложение явилось «первой вехой нового этапа внешней политики СССР — этапа борьбы за создание коллективной защиты против агрессии»³⁰.

Английское правительство, решив воздержаться от поддержки предложения о заключении ближневосточного пакта с участием Англии и СССР, одновременно пыталось любыми средствами подорвать авторитет Советского Союза в странах Ближнего и Среднего Востока, опорочить его восточную политику. Весьма характерным в этом смысле было появление клеветнического сообщения в газете «Таймс» от 24 ноября 1932 г., в котором утверждалось, что СССР якобы участвует в заговорах против правительства Афганистана, поддерживает оппозици-

---

²⁵ См.: ДВП СССР, т. 16, № 297, с. 528.

²⁶ Известия, 1932, 30 нояб.

²⁷ Известия, 1933, 8 февр.; 20 мая; 15 июня; ДВП СССР, т. 16, № 277, с. 494—496.

²⁸ Сиполс В. Я. Внешняя политика Советского Союза (1933—1935 гг.). М., 1980, с. 144.

²⁹ Известия, 1933, 8 февр.

³⁰ Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964, с. 13.

онные правительству элементы, пытается вести подрывную работу среди афганских племен на юге страны.

Опасность для Афганистана исходила в то время от империалистических держав. М. М. Литвинов в беседе с послом Италии в СССР Аттолико 1 декабря 1932 г. сообщил, что в Анкаре «очень не понравилась речь Муссолини, когда он говорил о желательности присвоения руководства всеми политическими вопросами четырьмя (западноевропейскими.— В. К.) державами». М. М. Литвинов имел в виду речь Муссолини, произнесенную в Турине 23 октября 1932 г., в которой он, отражая экспансионистские устремления Италии, заявил о необходимости «признания» другими державами итальянских «священных прав»³¹. То, что эти «права» правительство Муссолини стремилось распространить и на Ближний Восток, доказывает выдвинутый им в марте 1933 г. проект «пакта четырех», который, по сведениям американской дипломатии, предусматривал «удовлетворение колониальных домогательств Италии на Ближнем Востоке»³².

Что же касается политики СССР в отношении стран Ближнего и Среднего Востока и той оценки, которую она получала в этих странах, то весьма показательным в этом смысле являлось заявление, сделанное в конце декабря 1932 г. временному поверенному в делах СССР в Турции Г. А. Астахову иракским посланником в Анкаре. Иракский дипломат сообщил, что намерен по приезду в Багдад беседовать с королем Фейсалом об отношениях с СССР. «Он заявил,— писал Г. А. Астахов в НКВД 24 декабря 1932 г.,— что не верит в опасность нашей пропаганды и является сторонником установления с нами нормальных торговых отношений»³³. 8 февраля 1933 г. Г. А. Астахов телеграфировал в НКВД, что вернувшийся из Багдада иракский посланник сообщил ему, что во время отпуска беседовал с министром финансов («фактически,— писал Астахов,— несомненно, с королем») об отношениях с СССР. Вопрос об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом в этих беседах не затрагивался, но настойчиво ставился вопрос об усилении советских закупок в Ираке³⁴.

В свою очередь правительство Афганистана в ответ на запрос Советского правительства относительно клеветнической публикации «Таймс» направило 13 марта 1933 г. ноту, в которой, в частности, говорилось: «Сообщение газеты «Таймс» от 24 ноября 1932 г. представляет собою просто газетную заметку, не имеющую никакого значения... Заявление о содействии советских агентов в деле организации мятежа среди племен

³¹ ДВП СССР, т. 15, № 464, с. 653; примеч. 308, с. 807.

³² FRUS, 1933, v. 1, p. 397.

³³ ДВП СССР, т. 15, № 497, с. 702.

³⁴ Там же, примеч. 343, с. 818.

южной провинции совершенно не соответствует истине». «Прочность взаимоотношений и дружественные связи между обеими сторонами,—отмечалось в заключение,—не допускают возможности возникновения подобного рода мыслей»³⁵.

Король Афганистана Надир-шах в беседе с полпредом СССР в Кабуле Л. Н. Старком 19 марта 1933 г. подтвердил свои прежние заявления о том, что «Афганистан считает СССР своим естественным союзником в борьбе за достижение своих национальных целей и рассматривает СССР как свой тыл, на который Афганистан, при соответствующей обстановке, мог бы опереться». «Наши позиции не изменились,—заявил Надир-шах,—и не могут измениться, так как все наши интересы толкают нас идти с вами, а не против вас. Наш враг находится на юге, а не на севере. Я знаю, что ваше правительство нам не верит. К сожалению, истекшие три года не улучшили положения в этом отношении. Но мы имеем достаточно терпения и думаем, что в конце концов нам все же удастся на деле доказать, что наши заявления о дружбе — не пустые слова, и тогда вы нам поверите. Я прошу Вас все это передать в Москве»³⁶.

В то же время в ответ на предложение Л. Н. Старка о расширении советско-афганского экономического сотрудничества Надир-шах сказал, что положение Афганистана «совершенно иное», чем, например, Турции в смысле внешних сношений. То, что может позволить себе Турция, не может позволить себе Афганистан, поэтому нужно найти такие формы сотрудничества, которые «никого не раздражали бы» и «не обращали лишнего внимания»³⁷. Надир-шах имел здесь в виду прежде всего английское правительство. В этой связи он указал на «постоянные неприятности» на границе Афганистана с Британской Индией в полосе независимых племен. «В вопросе о племенах,—сказал Надир-шах,—основным является то, что англичане всячески стараются внести раздор между племенами и правительством, чтобы таким образом ослабить и племена и правительство. В этом заключается их цель. Они рекламируют свою дружбу к нам, хорошо зная, как на это будут реагировать племена. Нам очень трудно бороться с этим, так как мы по вполне понятным причинам, главным образом в силу нашей слабости, не можем вести сколько-нибудь активную политику среди племен и даже вынуждены были удерживать их от выступлений против англичан»³⁸.

Отношения Советского Союза с Ираном в рассматриваемый период были более сложными в связи с проводившейся с декабря 1932 г. по инициативе иранских властей кампанией бой-

³⁵ ДВП СССР, т. 16, № 76, с. 164—165.

³⁶ Там же, № 124, с. 247.

³⁷ Там же, с. 250.

³⁸ Там же, с. 247—248.

кота торговли с СССР. Только в конце июля 1933 г. в результате усилий советской дипломатии, терпеливой, взвешенной и последовательной позиции Советского правительства произошел «перелом в настроениях персов» и они стали проявлять «готовность к нормализации советско-персидских взаимоотношений путем устранения препятствий, порождающих взаимные трения»³⁹.

Наиболее благоприятно развивались в рассматриваемый период отношения СССР с Турцией, которые в выступлении М. М. Литвинова на IV сессии ЦИК СССР шестого созыва были названы «образцом отношений с иностранными государствами»⁴⁰. Как правило, совпадение во взглядах между СССР и Турцией проявлялось при обсуждении различных международных вопросов. На Женевской конференции по разоружению турецкая делегация, как правило, поддерживала усилия СССР по обеспечению безопасности. В частности, глава турецкой делегации Тевфик Рюшту выступил в поддержку внесенного Советским правительством проекта декларации об определении агрессии⁴¹. В ходе работы мировой экономической конференции, проходившей летом 1933 г. в Лондоне, Т. Рюшту поддерживал советское предложение о заключении пакта об экономическом перемирии и ненападении⁴².

Со своей стороны Советский Союз продолжал поддерживать мероприятия турецкого правительства по укреплению политической независимости Турции. С 1933 г. Турция стала предпринимать усилия с целью изменения режима черноморских проливов, установленного в Лозанне. 24 марта 1933 г. на конференции по разоружению представитель турецкой делегации выдвинул предложение по изменению положений Лозаннской конвенции о проливах, ущемлявших национальный суверенитет Турции. Турецкий делегат заявил, что его правительство желает освободиться от обязательства сохранять демилитаризованную зону в проливах⁴³. Представитель СССР В. С. Довгалевский в своем выступлении 27 марта поддержал турецкое предложение, заявив, что советская делегация считает его «вполне правильным и полностью соответствующим интересам мира и

---

³⁹ Там же, № 78, с. 167—168; примеч. 65, с. 820—821; № 264, с. 475; № 265, с. 476.

⁴⁰ Там же, прил. 2, с. 787.

⁴¹ Там же, № 160, с. 305—306; СССР и Турция, 1917—1919. М., 1981, с. 101.

⁴² Известия, 1933, 15 июня; 28 июля; ДВП СССР, т. 16, примеч. 143, с. 839.

⁴³ См.: ДВП СССР, т. 16, примеч. 74, с. 822; Живкова Л. Англо-турецкие отношения. (1933—1939 гг.). М., 1975, с. 43.

общей безопасности»⁴⁴. В то же время представители империалистических держав, прежде всего Англии, всячески стремились оттянуть решение поставленных Турцией вопросов⁴⁵.

Большую тревогу в Турции вызвали сообщения о начавшихся между западными державами переговорах о «пакте четырех». Как отметил в своей телеграмме в НКВД полпред СССР в Турции Я. З. Суриц, эта тревога «взрыхлила старое недоверие к Италии и поставила на очередь (по крайней мере, в порядке обсуждения) вопрос об эвентуальном пересмотре основ турецкой политики». Он сообщил, что Тевфик Рюшту в беседе с ним 29 марта говорил о том, что «выявившаяся в Риме тенденция установить гегемонию великих держав» одновременно направлена как против СССР, так и против Турции. В этой связи Т. Рюшту впервые после многолетнего перерыва поднял вопрос «о союзном договоре» между Турцией и СССР, в основу которого «должно быть положено тесное военное сотрудничество, особенно в проливах»⁴⁶. 2 апреля 1933 г. президент Турции М. Кемаль, принимая у себя делегацию советских ученых, говорил о необходимости «еще более тесного политического сближения» между Турцией и СССР и «намекал на желательность встречи глав обеих стран»⁴⁷. Другие турецкие руководители, бывая на дипломатических приемах, в беседах о внешней политике Турции также «выдвигали на первый план роль дружбы с СССР»⁴⁸.

Поскольку великие державы фактически отвергли советское предложение заключить международную конвенцию об определении понятия агрессии, Советский Союз предложил заключить такую конвенцию своим непосредственным соседям, с тем чтобы впоследствии к ней могли присоединиться и другие государства. Особенно горячо к советскому предложению отнеслось турецкое правительство. Нарком иностранных дел М. М. Литвинов в своем заявлении представителям печати в этой связи отмечал: «Министр иностранных дел Турции Тевфик Рюшту-бей оказывал нам свое активное содействие в осуществлении намеченной цели»⁴⁹. В результате переговоров, проходивших в Лондоне в период работы мировой экономической конференции, большая группа государств подписала в июле 1933 г. предложенную Советским Союзом конвенцию об определении агрессии. В числе подписавших конвенцию 3 июля

---

⁴⁴ Известия, 1933, 28 марта. Председатель совета министров Турции Исмет-паша просил в связи с этим полпреда СССР в Турции передать в Москву благодарность турецкого правительства.—ДВП СССР, т. 16, № 102, с. 207.

⁴⁵ См.: ДВП СССР, т. 16, примеч. 74, с. 822; Живкова Л. Англо-турецкие отношения, с. 43—48.

⁴⁶ ДВП СССР, т. 16, № 102, с. 206—207.

⁴⁷ Там же, № 107, с. 215.

⁴⁸ Там же, № 159, с. 305.

⁴⁹ Известия, 1933, 5 июля; ДВП СССР, т. 16, прил. 2, с. 787.

были Турция, Иран и Афганистан⁵⁰. Кроме того, 4 июля Турция подписала аналогичную конвенцию с участием СССР и стран Малой Антанты⁵¹.

Подписание южными соседями СССР Лондонской конвенции об определении агрессии расширяло базу их совместного сотрудничества на международной арене и демонстрировало единство их взглядов по этому важному вопросу. М. М. Литвинов, выступая 3 июля 1933 г. в Лондоне перед журналистами, сказал, что «подписанная конвенция является новым звеном в цепи мероприятий Советского правительства, систематически направленных к укреплению его мирных отношений с соседями»⁵².

Правительство СССР считало, что с принятием рядом стран советского предложения об определении агрессии был «сделан дальнейший шаг в направлении усиления значения и эффективности пактов о ненападении», заключенных между этими странами, а сама конвенция «является конкретным развитием принципов, лежащих в основе пакта Бриана — Келлога»⁵³. Американская печать в связи с этим писала, что Советскому правительству «удалось воздвигнуть систему ненападения, на основе которой Советский Союз стремится оградить себя в мире, где война представляется более возможной, чем когда-либо со времени (установления.— В. К.) Версальской системы... Эта система (пактов о ненападении.— В. К.) обеспечивает Советский Союз против агрессии... со стороны Азии до Китая»⁵⁴. Французская печать в свою очередь отмечала: «Так как подписанная конвенция дает возможность другим странам присоединиться к ней, то возможно, что она явится началом действенного сотрудничества восточных государств, направленного на упрочение мира в этой части света»⁵⁵.

Весьма знаменательным в этом смысле было заявление, сделанное королем Афганистана Надир-шахом в беседе с полпредом СССР в Кабуле Л. Н. Старком 5 июля 1933 г., т. е. всего через день после подписания конвенции об определении агрессии. Отметив, что он «чрезвычайно рад» признакам «сближения Афганистана с СССР», Надир-шах сказал: «Приближается уже время, когда Афганистан и СССР должны быть в тесном союзе для достижения своих целей... Этого требуют жизненные интересы Афганистана, это требуется для достижения его национальных целей. Я знаю, что о нынешнем афганском правительстве говорят, будто бы оно имеет весьма близкие отношения с Англией. Это неверно. Я много раз Вам об этом говорил и по-

---

⁵⁰ См.: История внешней политики СССР. М., 1976, т. 1, с. 304—305; ДВП СССР, т. 16, № 199, с. 373; № 207, с. 380; № 213, с. 388—392.

⁵¹ См.: ДВП СССР, т. 16, № 218, с. 403—406.

⁵² Известия, 1933, 5 июня.

⁵³ ДВП СССР, т. 16, прил. 2, с. 786; № 230, с. 428.

⁵⁴ Цит. по: Известия, 1933, 5 июля.

⁵⁵ Там же.

вторую теперь, что придет время и, может быть, скоро, когда Вы в этом убедитесь на деле, а не на словах. Вы, вероятно, знаете, что происходит сейчас в Вазиристане и в Баджауре (Надир-шах имел в виду антиправительственные выступления пуштунских племен.— В. К.). Всякому известно, кто подготавливает все это, чтобы посеять рознь и вражду между Афганистаном, т. е. его правительством, и племенами. Поэтому я еще раз повторяю, что Афганистану необходимо сближение с СССР, этого требуют афганские интересы»⁵⁶. В свою очередь Реза-шах в ответной речи по случаю вручения ему верительных грамот новым полномочным представителем СССР в Иране С. К. Пастуховым 6 июля 1933 г. выразил надежду, что в результате его усилий «будут созданы предпосылки к укреплению и упрочению добрых взаимоотношений между правительством Персии и СССР»⁵⁷.

Подобные заявления руководителей восточных государств, если о них становилось известно, вызывали раздражение в правящих кругах Великобритании. Член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков в беседе с послом Франции в Москве Альфаном 5 июля 1933 г. в этой связи говорил: «Англия ...считает нас своим врагом в Азии, несмотря на то, что у нас нет никаких стремлений к экспансии за пределы наших территорий»⁵⁸. Тем не менее твердолобые руководители Форин офиса продолжали в это время с маниакальным упорством твердить о якобы имевшемся у Советского Союза стремлении «расширить свое влияние до Индийского океана и границы Белуджистана»⁵⁹. «Положение о том, что Советская Россия является нашим признанным противником (на Ближнем и Среднем Востоке.— В. К.) остается, по-моему, все еще верным»,— писал в ноябре 1933 г. высокопоставленный сотрудник британского МИД Л. Олифант⁶⁰.

Подписание Лондонской конвенции об определении агрессии было с неприязнью встречено английским правительством, считавшим, что «точность в определении агрессии непрактична и нецелесообразна»⁶¹. Стремясь не допустить расширения сотрудничества Турции, Ирана и Афганистана с Советским Союзом и использовать наметившуюся тенденцию к сближению этих стран между собой в интересах британского империализма, английское правительство начинает строить свою политику по отношению к ним с учетом некоторых новых моментов, проявившихся во внешней политике Турции, Ирана и Афганистана в начале 30-х гг. Советский историк С. Л. Агаев обратил, в ча-

⁵⁶ ДВП СССР, т. 16, № 225, с. 421—422.

⁵⁷ Там же, № 223, с. 418—419.

⁵⁸ Там же, № 221, с. 414.

⁵⁹ PRO, FO 371/16855, p. 244.

⁶⁰ Ibid., p. 245.

⁶¹ ДВП СССР, т. 16, № 216, с. 402.

стности, внимание на то, что «ирано-турецкое сближение в этот период начинает утрачивать свое антиимпериалистическое содержание в связи с укреплением связей обеих стран с западными державами. Англия и другие империалистические государства, препятствовавшие в предыдущий период ирано-турецкому сближению, теперь всячески поддерживают его с целью усилить свое влияние на оба правительства и использовать их в антисоветских провокациях»⁶².

Другой советский исследователь, В. Г. Коргун, анализируя внешнюю политику Афганистана, отмечает: «Правительство Надир-шаха старалось избежать любых мер, которые могли бы осложнить его отношения с Великобританией, что, в частности, нашло отражение в его политике по отношению к пограничным племенам... Афганские власти не допустили участия пуштунских племен, проживавших на территории Афганистана, в восстании в Пешаваре. Широкое антиколониальное движение в Северо-Западной провинции Индии серьезно осложняло позиции британского империализма в Индии. Отгородившись от этих событий и не оказав поддержки движению в Индии, правительство Надир-шаха тем самым способствовало подавлению его английскими войсками... Надир-шах, будучи выразителем социальных интересов господствующих классов, в угоду последним... ставил их выше общенациональных интересов страны»⁶³. Прекрасно понимая это, английское правительство и британские колониальные власти в Индии проводили в отношении Афганистана пресловутую политику «кнута и пряника», чередуя финансовые подачки и военную помощь правительству Надир-шаха⁶⁴ с организацией провокаций и созданием напряженности на афгано-индийской границе⁶⁵.

Что касается Ирана, то руководитель ближневосточного отдела Форин офиса Дж. Рендел рекомендовал своему правительству строить с ним отношения на основе «всеобъемлющего дружественного урегулирования», предлагая отказаться от проведения по отношению к Ирану «политики твердости, если не силы», на которой настаивали британское адмиралтейство и министерство по делам Индии. Рендел считал, что такая политика «уже оказала разрушающий эффект» на англо-иранские отношения и «может толкнуть Персию в руки России»⁶⁶. После разрешения нефтяного конфликта 1932—1933 гг. отношения между Ираном и Англией заметно улучшились, хотя и оставались еще прохладными. Английское правительство внешне стало придерживаться политики умиротворения великодержавных

---

⁶² Агаев С. Л. Иран: Внешняя политика..., с. 221.

⁶³ Коргун В. Г. Афганистан в 20—30-е годы XX в. М., 1979, с. 146—147.

⁶⁴ Там же, с. 145—146.

⁶⁵ См.: Известия, 1933, 8, 20 авг.

⁶⁶ PRO, FO 371/16855, p. 244.

амбиций Реза-шаха⁶⁷. Американский историк Дж. Ленцовский, характеризуя внешнюю политику Ирана в годы мирового экономического кризиса, писал: «Отношения Ирана с Англией в течение этого времени прошли через различные фазы, от внешней корректности до открытой враждебности. Но даже тогда, когда их отношения не были слишком дружественны, Иран был ближе к Англии, чем к какой-либо другой державе»⁶⁸.

Взяв курс на поддержку ирано-турецкого сближения, английское правительство стремилось пристегнуть к нему и Ирак. Летом 1933 г. в Англии находился с визитом король Ирака Фейсал. В ходе состоявшихся англо-иракских переговоров было рассмотрено состояние отношений Ирака с Турцией и Ираном. Фейсал сообщил, что в результате недавних переговоров министра иностранных дел Ирака Нури Саида с Тевфиком Рюштю и его собственных бесед с турецким послом в Лондоне у него «не осталось сомнений» в том, что достигнута франко-турецкая договоренность о передаче Турции Александретты, Антиохии и Алеппо (северные районы Сирии, находившейся под мандатным управлением Франции), «как только представится благоприятный случай». В связи с этим Фейсал выразил опасение, что, получив Александретту и Алеппо, турки смогут угрожать нефтеносному району Мосула с запада⁶⁹. Однако в Форин оффисе сочли сообщение Фейсала «необоснованным», и было решено направить английским послам в Париже и Анкаре телеграммы с просьбой подтвердить или опровергнуть эти сведения в соответствии с имеющейся у них информацией⁷⁰.

При обсуждении ирако-иранских отношений на переговорах в Лондоне большое внимание было уделено предложению Ирана заключить с Ираком пакт о нейтралитете. Нури Саид, сопровождавший Фейсала, пояснил, что правительство Ирака, которое «надеется достичь посредством этого давно желаемого улучшения» в ирано-иракских отношениях, хотело бы принять предложение Ирана. Поэтому он обратился к английскому правительству с просьбой дать после соответствующего обсуждения совет относительно возможности заключения такого пакта, который не нарушал бы условий англо-иракского союзного договора 1930 г.⁷¹

По окончании англо-иракских переговоров обращение Нури Саида было тщательно проанализировано в Форин оффисе. 31 октября 1933 г. английское правительство официально информировало своих багдадских марионеток, что, по его мнению, в сложившихся условиях заключение ирано-иракского пакта о

---

⁶⁷ См.: Иран: Очерки..., с. 140.

⁶⁸ Lenczowski G. The Middle East in World Affairs. Ithaca, 1952, p. 165—166.

⁶⁹ PRO, FO 371/16855, p. 48—49.

⁷⁰ Ibid., p. 54.

⁷¹ PRO, FO 371/17830, p. 4.

нейтралитете «вполне возможно», и дало «общие указания» относительно того, как это следует сделать⁷². В контексте англо-иракских переговоров, состоявшихся летом 1933 г., следует рассматривать и появление в багдадской газете «Аха-Ватан» от 7 сентября 1933 г. предложения заключить пакт о ненападении между Турцией, Ираком и Ираном⁷³. Возможность выдвижения такого предложения именно в иракской газете непосредственно вытекала из содержания и характера англо-иракских переговоров в Лондоне в июле 1933 г.

Таким образом, анализ источников и литературы позволяет сделать вывод о том, что в рассмотренный период идея заключения регионального пакта о ненападении с участием Турции, Ирана, Ирака, Афганистана, Великобритании и СССР, выдвигнутая совместно дипломатией Турции и Ирана в ноябре 1932 г., претерпела определенную эволюцию и в результате позиции, занятой английским правительством, была сведена летом — осенью 1933 г. к предложению о заключении ирано-ирако-турецкого пакта, призванного отвечать интересам британского империализма на Ближнем и Среднем Востоке.

---

⁷² Ibid., p. 4—5.

⁷³ См.: Агаев С. Л. Иран: Внешняя политика..., с. 225.